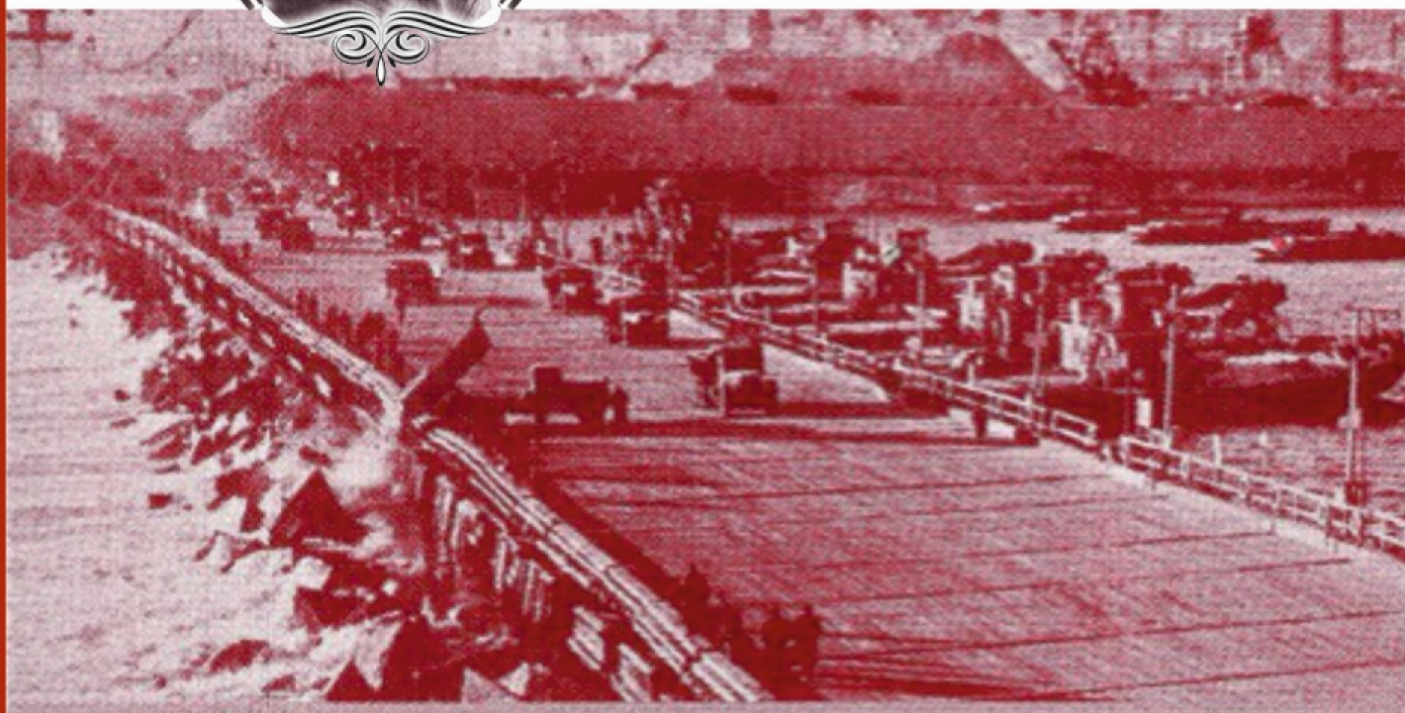

Премия имени
Владимира Гиляровского
представляет публициста

Виктор Александров

ДЕТИ ВОЙНЫ

я среди вас

Интернациональный Союз писателей

Премия имени Владимира
Гиляровского представляет публициста

Виктор Александров
Дети войны. Я среди Вас

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Александров В.

Дети войны. Я среди Вас / В. Александров — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2018 — (Премия имени Владимира Гиляровского представляет публициста)

ISBN 978-5-906957-94-8

«В жизни каждого из нас наступает период, когда трудовые будни остаются позади. Появляется желание поворошить фотоальбомы, дать оценку сделанному, увиденному, прожитому, поделиться воспоминаниями. Кто-то начинает писать книги, оставлять заметки в газетах, в том числе и с целью найти сверстников, единомышленников, которым рассказанное близко и которые поймут с полуслова. Кто-то просто делится этими воспоминаниями с родными и близкими в семейном кругу или на встречах, собраниях – да мало ли где еще?! Интересно то, что в этот период вспоминаются события, моменты, детали, которые оказываются более значимыми, определяющими, чем казались тогда, и многое становится ясно, как будто стекло протерли. И каждый сравнивает... сравнивает все подряд: людей, нравы, поступки, устремления, вплоть до мелочей. Но особняком в этом ряду стоят люди и поколения, которые пережили войны и тяжелые послевоенные годы. Они знают цену словам, поступкам – они много чего знают не понаслышке. Они острее остальных чувствуют алчность, несправедливость, все наносное. И, в конце концов, это они вместе с другими восстановили страну и надеялись на светлое будущее...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906957-94-8

© Александров В., 2018
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2018

Содержание

Предисловие	8
Глава 1. Детство. Юность	9
Глава 2. МВТУ им. Н.Э. Баумана	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктор Александров

Дети войны. Я среди Вас

© Виктор Александров, 2018

© Интернациональный Союз писателей, 2018

* * *

Виктор Александрович Михайлов (псевдоним Виктор Александров) родился 22 сентября 1945 года в пос. Раевка республики Башкортостан.

С 1950 года переехал в город Жигулевск, где прошло детство и юность.

С пятнадцати лет пошел работать помощником слесаря.

В 1963 году окончил вечернюю школу и поступил в МВТУ им. Н.Э. Баумана, где учился по 1969 г.

С 1969 по 1980 гг. работал в оборонной промышленности. В этот же период защитил диссертацию на степень «Кандидат технических наук».

С 1968 по 1993 гг. являлся членом КПСС.

С 1980 по 2000 гг. работал в Минсельхозе, Мосгосагропром.

С 2000 по 2017 гг. работал в аэропорту «Шереметьево» на должности помощника генерального директора.

Женат, трое детей, трое внуков и две внучки, правнук и правнучка.

Посвящается всем женщинам, которые родили в годы войны,
вскормили, воспитали детей в послевоенные годы!

Многие из них свое личное счастье принесли в жертву ради своего ребенка.

Низкий вам всем поклон.

Предисловие

В жизни каждого из нас наступает период, когда трудовые будни остаются позади. Появляется желание поворошить фотоальбомы, дать оценку сделанному, увиденному, прожитому, поделиться воспоминаниями. Кто-то начинает писать книги, оставлять заметки в газетах, в том числе и с целью найти сверстников, единомышленников, которым рассказанное близко и которые поймут с полуслова. Кто-то просто делится этими воспоминаниями с родными и близкими в семейном кругу или на встречах, собраниях – да мало ли где еще?! Интересно то, что в этот период вспоминаются события, моменты, детали, которые оказываются более значимыми, определяющими, чем казались тогда, и многое становится ясно, как будто стекло протерли. И каждый сравнивает... сравнивает все подряд: людей, нравы, поступки, устремления, вплоть до мелочей. Но особняком в этом ряду стоят люди и поколения, которые пережили войны и тяжелые послевоенные годы. Они знают цену словам, поступкам – они много чего знают не понаслышке. Они острее остальных чувствуют алчность, несправедливость, все наносное. И, в конце концов, это они вместе с другими восстановили страну и надеялись на светлое будущее.

Глава 1. Детство. Юность

*В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и все же
В какой-то мере все мы тоже
Вернулись с той войны.*

Н. Николаев. 1974 г.

В 1950 году проводился набор на строительство Жигулёвской ГЭС. Мне было 5 лет, я ехал в кабине «Студебеккера». Помню дорогу (вверх-вниз), тряску. Жигулёвск в то время представлял собой десяток кирпичных сталинских домов в центре города, а вокруг – двухэтажные дома без удобств, вода в большинстве случаев на улице. Всё остальное – пространство посёлка, несколько лагерей вокруг. В кирпичных домах жили специалисты стройки, освобождённые, приехавшие по набору и руководство стройки.

Нас поселили в двухкомнатную квартиру. На кухне железная кровать, столик у окошка. Мама привезла меня с сестрой, спали с ней на полу. Работала бухгалтером, кладовщицей. Моя сестра тоже работала и училась в вечерней школе. Из питания запомнился горох. Мама где-то достала мешок гороха. Он составлял основу рациона. Я настолько его переел, что позднее не мог его переносить. Через год привезли сестру. Нас стало четверо в комнате на 10 квадратных метрах.

1952 год. Нам дали ордер на трехкомнатную квартиру в другом таком же доме. Мы въезжали в одну из комнат размером 12 кв. метров, но была ещё общая кухня и вода. В квартире проживала семья из трех человек – муж, жена работали в ОРС. Они рассчитывали получить всю квартиру и не хотели нас пускать. Дело дошло до участкового. С его помощью мы всё-таки вселились в квартиру. Конечно, мы были рады, всё-таки кухня, вода.

После отбытия срока появился отчим. Мастер на все руки, но пьяница. Во время запоя пропивал всё – деньги, вещи. Были периоды, когда мы голодали, не было даже хлеба. Правда, дни голода были кратковременными – 1-3 дня. Что характерно, соседи не делились своими продуктами. Помню случай, когда соседский мальчик, одноклассник, ел картошку с тушёной, а я стоял рядом и глотал слюну. Он предложил вместе с ним покушать. Мы съели весь обед (почти целую двухлитровую кастрюлю), конечно, я работал ложкой проворнее него. Когда пришли его родители и увидели пустую кастрюлю, устроили ему сильнейшую порку, но он не хныкал, а терпел. Так я приобрёл первого друга в детстве.

Стараниями соседей вскоре нашей семье дали ордер в соседнюю двухкомнатную квартиру. Нашей радости не было предела. Жизнь омрачали лишь участвовавшие пьянки отчима. Привезли сестру, младше меня, – нас стало четверо детей. В этой ситуации мама считала, что лучший способ повлиять на мужа – родить от него. Так на свет появилась младшая, пятая сестра. Однако это не изменило ситуацию в семье. Старшие сестры разъехались, я остался с двумя младшими.

На всю жизнь мне врезался в память 1953 год, день, когда объявили о смерти И.В. Сталина. На улицу вышли практически все взрослые и мы. Одни плакали и собирались в кучку, другие (их было немного) выносили портреты И.В. Сталина и топтали их с громкими проклятиями. Но никто не кидался друг на друга. К вечеру и те, и другие были сильно пьяны. Каждый праздновал или огорчался одинаково – через спиртное. Последующие дни месяца что одни, что другие вместе обсуждали новости и были в ожидании. Слухов ходило множество. Сообщения по радио были скудные и не совсем понятные. Мужей из некоторых семей забирали,

но через день-два отпускали, что создавало дополнительно нервозность у всех. Многие облегчённо вздохнули после расстрела Л.П. Берии. Все вошло в свой повседневный ритм.

Мы жили среди лагерей,
Не зная, кто там, вернувшийся с войны или злодей?
А иногда, как на войне,
Сирены выли в тишине,
Прожекторы освещали всё вокруг,
И слышались в ночи стрельба и лай собак,
и топот ног.
А участковый поутру всех обходил,
предупреждал:
Сбежал преступник, и не один.
Они вооружены,
Поэтому небезопасно ходить по лесу и в ночи.
Специально созданные отряды
Прочёсывали леса, дороги и дома,
А их служебные собаки
Набрасывались на всех, рыча и прыгая на месте,
Стремясь сорваться с поводка,
А всё кончалось лишь тогда,
Когда сбегавших привозили,
Живых иль мёртвых, всё равно,
А их дальнейшая судьба
Средь пожелтевших рапортов иль донесений
Терялась здесь уж навсегда.

На протяжении трех лет после приезда в Жигулевск я носил все сезоны одни ботинки, одни брюки, рубашку, пальто на ватине и шапку. К школе мне купили (мама потом сказала, что ей дали матпомощь) костюм и главное – новые чёрные ботинки. Как я был доволен и горд! По любому поводу ходил в магазин и всё смотрел на взрослых – видят ли они мою обновку. Питались без мяса, колбасы, творога. В основном каши, картошка, соленья. Из сладостей одни «подушечки» (карамель), позднее – батончики. До сих пор они любимые конфеты.

Что характерно, никто никому не завидовал, не было злости друг к другу. Бок о бок зачастую в одном доме (бараке) жили бывшие заключённые, интеллигенция (бухгалтеры, прорабы, мастера и т.д.), работники торговли, милиционеры, воры, зубные врачи. В лучшем случае наши матери не советовали с кем-то дружить. Обычно летом, в воскресные дни, многие выходили на улицу, садились на лавки, играли в карты, обсуждали новости, слухи. Всегда выходил зубной врач со своим трофейным немецким аккордеоном. Он не пел, он играл. Редко кто подпевал, все слушали и часто плакали молча. Кто не выходил, тот открывал окно. Мы, ребята, подходили к нему и замороженно слушали. Этого не забыть.

Все, живущие в Жигулёвске, были богатыми. Наше богатство – Волга. Как только звучал последний звонок, для всех ребят и большинства девчат с утра (обычно с 9 часов) и до заката местом встреч, отдыха – были песчаные берега Волги. Основное занятие и подспорье семьи – ловля рыбы. Помню, когда пустили электростанцию, ход рыбы выше по Волге преградила плотина. Рыба могла пройти только по маленьким по ширине шлюзам, по которым проходили судна вверх, вниз по Волге. Практически вся рыба встала около плотины. Её оглушали турбины. Тушки иногда больших размеров сомов, осетров, щук и других рыб всплывали на поверхность воды, и отчаянные ребята плыли за ними, не боясь круговоротов. Были слу-

чаи, когда их затягивало ко дну. В первый год запуска станции большинство взрослых тоже ловили подошедшую рыбу, просто черпая её чем-либо, настолько её было много. Я помню, как ловили даже дырявым ведром. Власти приняли меры, увеличили зону безопасности: нельзя было ловить рыбу ближе чем 1 км от плотины. Позднее длину запретной зоны ещё больше увеличили, но это не стало преградой для рыбаков. Рыба была основным продуктом и заработком.

На берегу Волги мы и влюблялись, и дрались, и тонули. Берега были песчаные. Места с малой глубиной сразу же чередовались впадинами, скорость течения большая. Где сегодня было мелко, завтра уже с головой.

Кто проваливался в яму, захлебываясь, старались сами доплыть до берега, при этом не звали на помощь – стыдно было перед сверстниками и особенно перед девчонками. В летние месяцы обыденным явлением было, когда взрослые (обычно после выпивки) или ребёнок тонули. Практически никого не находили, утонувшие всплывали далеко от плотины или доставались крупной рыбе. Тонул и я. Вадим, муж старшей сестры, взял меня на рыбалку. Стояла холодная сентябрьская погода. Взрослые быстро развели костер, достали спиртное. Вадим указал на мостки и разрешил с них половить рыбу. Мостки представляли собой два тонких бревна длиной 5 метров. Я был в ватнике и в сапогах. Дошел до конца брёвен, насадил на крючок пару червей и размахнулся удочкой, тут же потерял равновесие и упал в Волгу в 5 метрах от берега. Летом я только научился плавать. Я вынырнул и начал отчаянно махать руками, ватник мгновенно впитал воду, она заполнила также и сапоги. Крик застрял у меня в горле. Барахтаясь в воде, проплыл метра три и начал тонуть, ватник тянул ко дну. Силы меня оставили, понял – конец. Посмотрел на взрослых, они сидели спиной ко мне. Обреченно пошел ко дну. Коснувшись дна, осознал, что ушел под воду на уровне головы. Я резко оттолкнулся от дна в сторону берега, и вода стала мне по шею. Судорожно вылез из воды и, спотыкаясь, дошел до костра. Все всполошились, Вадим скинул с себя куртку, мне сменили одежду. Мы с Вадимом пошли к автобусной остановке. Он попросил меня не рассказывать о случившемся. Так, второй раз ангел не дал мне досрочно уйти в мир иной.

Особое значение для нас имели рассказы о войне. Кто воевал, тот редко что-то рассказывал. В основном это бывало в двух случаях: день рождения, день Победы. В день Победы ветераны выходили, садились на скамейку, и мы слушали от них воспоминания о войне. Я не помню, чтобы кто-то восхвалял своего командира, или Г.К. Жукова, или И.В. Сталина. В основном вспоминали отдельные эпизоды, как их встречали в других странах и как и где заканчивали войну. Кто прошёл Германию, отмечали богатство немцев, чистоту в домах и на их территории. Ничего героического в своих действиях они не видели. Он защищали свою страну, мстили за близких. Кто и сколько вывез из Германии, Польши и других стран – об этом они молчали. Однако и так было ясно, поскольку все знали, какие вещи, драгоценности имелись в каждой семье. Всё было известно и втихую обсуждалось.

Особенно помнится из праздников день Победы. Шествий больших не было. С утра ветераны надевали кители с медалями и без них, большинство надевали хромовые сапоги (в основном немецкие). Вечером выходили на улицу, садились на скамейки, слегка навеселе, вспоминали о войне, потом под аккордеон пели песни военных, послевоенных лет, песни из кинофильмов, и так допоздна. В этот день не было ни драк, ни поножовщины.

Всё больше и больше приходили сообщения о вновь построенных заводах, фабриках, об открытых залежах драгоценных металлов, нефти и газа. Жизнь для нас стала улучшаться, отменили продуктовые карточки, расширился ассортимент.

Вспоминаются субботы и дни перед праздниками. Обязательным в пятницу вечером или в субботу утром было посещение общественной бани, а вечером – фильмов и танцев: летом – в березовой роще, зимой – во Дворце культуры. Перед фильмом показывали достижения страны и передовиков труда. Позднее стали показывать сатирические сюжеты, а ещё позже – мультфильмы. Каждый раз с нетерпением ждали продолжения «Ну, погоди!». Этот период был временем восстановления страны после войны. Всё было сосредоточено на этом и воспринималось как неизбежность. Мало кто мечтал о будущем, думал: какое оно будет? Кто вернулся с войны и кто родился во время войны – трудились. Все в свободное время занимались своим хозяйством. Правительство предоставило всем участки для выращивания картошки, овощей. Транспорт выделяла организация. Практически во дворе домов были построены сараи для хранения овощей и содержания птиц, животных.

Наша семья содержала козу (ее назвали Розой) и кур. За Розой ухаживал я. Она была очень своенравная, сразу пускала в ход свои рога. Мы с ней сдружились. После значительного увеличения налога на живность (при Хрущеве) практически все пустили свою живность под нож. Зарезали и Розу, сварили мясо. Мама пригласила к столу. Я забился в другую комнату и плакал. Ни кусочка мяса Розы я так и не съел. Две семьи во дворе продолжали держать живность – одна семья содержала десяток кур, другая – кроликов. Они считались зажиточными. Но социальная справедливость быстро восстановилась – через месяц живность украли. Мы догадывались, кто это сделал. После этого вопрос с содержанием живности был решен окончательно.

Настало время мне подставлять плечо – сёстры разъехались, денег не хватало. После окончания восьмилетки летом мама договорилась с руководством «Водоканала» и отвела меня в бригаду сантехников. В основном это были насквозь пропитые мужики. Они соглашались лезть в канализационные колодцы только когда выпьют или сразу после прочистки труб. Моя работа – подавать ключи, поднимать наполненные вёдра и т.п. Мне это жутко не нравилось, и тогда мама упростила начальника станции очистки воды взять меня учеником слесаря. Так я попал в небольшую бригаду (5-6 человек) взрослых. Работа такая же: подавать, приносить, уносить запчасти и т.п. В основном ремонтировали насосы большого диаметра, задвижки вентилей и другое оборудование станции.

Из всех я выделял начальника бригады Николая Ивановича. Он был среднего роста, худощавого телосложения, прошедший концлагеря. Нередко бригада выпивала после получки или

после удачного завершения ремонта. Пили не водку, а денатурат или спирт, который оставался после протирки электрики. Порой в дело шла даже краска. В неё что-то добавляли, потом мешали и вытягивали вилкой загустевшую массу, в осадке оставалась спиртовая жидкость. Случаев отравления среди них я не помню. В одно из таких застолий Николай Иванович вспомнил военное время. Он попал в плен, дважды бежал, его ловили, один раз расстреливали. Когда расстреливали шеренгу, его ранили первым; он упал, а очнувшись, осознал, что сверху завален трупами и запорошен землёй. Вылез, дополз до деревни. Его приютили и залечили раны. Показали дорогу, но заблудился и снова попал в лагерь. Ему повезло, так как в этот период набирали и отправляли часть военнопленных для работ в Италию. Николай Иванович работал у богатого итальянца до конца войны. Работа была разная, но кормили сносно, а воскресным днём отпускали в город. После войны ему не разрешили вернуться в свой город, а отправили на поселение в Жигулёвск на строительство. Его рассказ о войне настолько поразил моё воображение, что я в течение двух последующих дней написал свою версию этого рассказа. А блокнот с рассказом долго кочевал со мной.

Я благодарен Николаю Ивановичу за то, что пресекал все попытки рабочих приучить меня к спиртному. Ему говорили, что рано или поздно моя судьба станет такой же серой, как и у них. В один из таких запоев у меня в голове что-то «щёлкнуло». Почти в 16 лет я вдруг задумался о своём будущем. Кем мне быть? Неужели они правы? Они знали о маме и моей семье. В моей душе поднялась волна протеста к такой жизни. Решение пришло: должен поступать в вечернюю школу, в девятый класс, и учиться дальше.

В первый класс я пошел очень неохотно. До школы я практически рос дома. В детский сад ходил всего полгода. Часто болел. С шести лет оставался дома под присмотром сестры. По словам первой учительницы Любови Алексеевны, я был мальчиком в себе – замкнутым, но не давал никому спуска. Я стеснялся своих одноклассников. Они росли с отцами, одевались лучше меня, у них всегда были завтраки с собой. Как после скажет Любовь Алексеевна моей маме, она сразу выделила меня среди всех, старалась больше мне помогать, разъяснять уроки после занятий. Но этого я не помню. В течение года я освоился, сдружился с тремя ребятами.

Особенностью моего поведения была упертость. Если что-то мне не нравилось или у меня было свое мнение – никто, даже учителя, не могли «сдвинуть» меня. Нередко учителя жаловались на меня маме. Она не ругала, а только вздыхала. Благодаря ей я за всю жизнь не выкурил ни одной папиросы. Что касается папирос, дело было так.

Весной мы пошли в лес прогуляться. Один из нас свернул кусочек бумаги, взял несколько сухих листьев, свернул, поднес горящую спичку. Самокрутка запахла сухими листьями. Он дал мне. С первой затяжки я задохнулся. Отдал другим. Кто-то из взрослых, проходя мимо, увидел, как мы курили, и рассказал маме. Когда я пришел домой, она спросила: «Курил или нет?». Я ответил: «Да». Она покачала головой и вздохнула. Если бы она начала меня ругать или отшлепала меня, наверное, я бы курил постоянно. Как я благодарен ей за то, что она никогда не подняла на меня руку!

Кстати, и к сестрам было отношение такое же. Она всю жизнь переживала, что не могла своим детям (нам) обеспечить нормальные условия в детстве, юности. Как мы запоздало говорим слова благодарности своим родителям!

Почему-то в школе я считался озорником. Учился средне. Нравилась математика, физика, геометрия. Учительница по геометрии Эльвира Георгиевна (пышнотелая еврейка) при словах «равнобедренный треугольник» краснела, а мы, парни, устремляли свой взгляд на ее пышные формы тела. Было «прикольно» видеть, как она краснеет. После занятий мальчишки сразу шли на спортплощадку. Играли во все игры – волейбол, баскетбол, футбол, боролись, дрались, мирились, останавливали из носа кровь, ходили с синяками. Улица для нас была «всё и вся». Телевизоров не было, родители приходили поздно, и им было не до нас. Они варили еду, стирали вручную, гладили. Вспоминали о нас к вечеру. Мы, набегавшись, выяснив все отношения между собой на этот день, очень хотели кушать. В друзьях среди одноклассников у меня были трое ребят: Шмаков Слава – сын начальника уголовного розыска, Ворошилов Валентин – сын краснодеревщика, Сысоев Андрей (еврей) – сын врача. К ним в гости я ходил охотно, к себе старался не приглашать. Стыдился скудной обстановки в квартире и скудного угощения. Дружба прошла по всей жизни. Андрей стал врачом. Слава – коммерсантом, работал долгое время на Байконуре, пока казахи не стали вытеснять (мягко говоря) русских с их земли. Валентин стал зам.руководителя строительной компании. Мы все стремились получить высшее образование, учились на совесть. Понимали – что значит быть специалистом. Выбор, куда пойти учиться, был большой, главное – учеба была бесплатной, а учителя и преподаватели не знали, что такое деньги от учеников за проставленные отметки.

Когда я перевелся в вечернюю школу, преподаватели дневного обучения обрадовались. Их мнение было: моя участь – шпана, жалели маму. Одна Любовь Алексеевна верила, что из меня выйдет нормальный юноша. Об этом она говорила завучу школы, другим учителям (это я узнал позже от мамы). Никто из учителей, кроме Любви Алексеевны, не верил слухам о том, что я поступил в училище. Я был единственным из жигулевцев 1963 года выпуска, который поступил учиться в Москву. Просто совпали благоприятные обстоятельства, плюс моя тяга к учебе. Как только я приехал на зимние каникулы, завуч школы через маму попросил меня выступить перед школьниками. В школе меня поздравляли, особенно Любовь Алексеевна, уже сильно постаревшая, худенькая женщина. Ученикам я сказал основное – надо ставить цель в

жизни и ее добиваться. Мое выступление было опубликовано в местной газете. В последующие годы в Москву уже поехали десятки выпускников. Я помог поступить в училище трем жигулевцам. Где они? Кем стали?

Глава 2. МВТУ им. Н.Э. Баумана

Два года я работал и учился, занимался в секции бокса. По счастливой случайности в 1963 г. в Жигулёвск летом приехал студент 3-го курса училища им. Н.Э. Баумана – Виктор Шаров. Он отслужил в армии, работал. Объявили набор в училище. Он поехал, и его приняли. В то время производственникам достаточно было получить тройки на экзаменах, чтобы поступить в технические вузы. Кроме того, была квота для тех, кто прошёл армию. Несколько раз Виктор был на тренировках и предложил нам (мне и ещё трём боксёрам) поехать в Москву и поступать в МВТУ им. Н.Э. Баумана. В то время дальше областного города я нигде не бывал. В Самаре был на турнире по боксу, а здесь – Москва. Мама сначала моё решение поступать приняла за шутку. На сборы у нас было 2 недели. Кроме меня, ещё трое захотели поехать. За две недели мы сдружились на всю оставшуюся жизнь. Мама заняла денег, собрала вещи со слезами на глазах, так как оставалась с двумя младшими сёстрами (уезжал помощник). Дала мне письмо к своему брату, который жил в Москве.

Из четверых поступил я один. Николай Чурилин поступил без экзаменов (по-моему, было так) в педагогический институт; Виктор Колосков уехал в Ленинград, поступил в мореходку; Володя Якушин пошёл в армию, служил в Молдавии, стал заслуженным тренером по боксу.

По-разному сложилась их судьба. Виктор был преданный боксу всю свою жизнь. Он собрал все бои известных боксеров. С 14 лет фанатично занимался боксом, особенно физической подготовкой. Боксировать или драться – это было у него навязчивой идеей. Он всегда искал повод подраться со старшими ребятами. Никто не мог ему противостоять. Одна-две минуты, и противник с разбитым носом сдавался. Тогда он придумал следующий финт – он давал один рубль (по тем временам это были деньги) любому, кто захочет с ним подраться. Кто

соглашался, потом об этом жалел. В 18 лет он принял участие в первенстве области, будучи уже перворазрядником. Если выигрываешь – практически ты мастер спорта. Все поединки он заканчивал досрочно. В финале своего противника дважды отправлял в нокдаун. В общем, бой был «в одни ворота». Однако судьи отдали победу противнику (его тренер был старшим тренером области по боксу). Виктора это решение привело в шок. Для себя он решил – больше не выступать на соревнованиях. Но продолжал заниматься боксом с прежней увлеченностью. После окончания мореходного училища в Ленинграде он на судах (до пенсии) побывал во всех портах. Что самое удивительное, с диагнозом «диабет». Как он потом говорил – на медкомиссию вместо него ходили другие. После ухода на пенсию Виктор стал тренером по рукопашному бою, воспитал призеров чемпионатов Европы.

С ним вспоминается еще один случай. У Николая из-за девушки произошла «разборка» на кулаках с более взрослым и габаритным мужиком, спортсменом, по имени Леонид. Драка с переменным успехом продолжалась часа два, но Николай нам ничего об этом не сказал – мы узнали об этом на следующий день. Виктор решил, что мы должны Леонида наказать. Было известно, где он живет. Виктор распределил роли каждого из нас – кто и где должен стоять, что делать, если его кто-нибудь будет провожать. Около часа мы ждали появления Леонида, Виктор стоял у подъезда. В этот вечер уличные фонари у дома не горели. Николай, издали увидев Леонида, дал знак Виктору, и, когда Леонид подошел к подъезду, Виктор одним ударом отправил его в нокаут. Мы разбежались по домам. На улицу мы вышли через день. Мы боялись: а вдруг Леонид заявит в милицию на нас – он знал, кто это сделал. К нашей радости, этого не случилось. В дальнейшем Леонид старался с нами не пересекаться, а позже переехал в другой город.

Эти события по сарафанному радио стали известны всем. С этого момента авторитет боксеров в городе значительно повысился. Во всех разборках наше слово было решающим. С нами приветливо здоровались урки (воры в законе). В наше время и вплоть до 1991 г. они жили «по понятиям». Наше положение коснулось и наших сестер. Они стали неприкасаемыми, т.к. никто из ребят не отважился сделать им что-либо плохое. Но об этом я узнал от сестры гораздо позже.

Судьба Володи Якушина неразрывно связана с боксом. Служа в Молдавии, он стал КМС по боксу, в Ленинграде стал мастером спорта. Вернулся в Жигулевск и возродил школу бокса, довел ее до уровня олимпийского резерва, работал главным тренером Самарской области по боксу. Подготовил призеров чемпионатов Европы, мира по боксу среди молодежи. В семидесятые годы своей жизни у него открылся дар – мастерить из дерева потрясающие поделки. Композиции были настолько оригинальные, что я при очередной встрече посоветовал ему организовать выставку. Преждевременная его смерть не позволила это сделать. Воистину: талантливый человек талантлив во многом.

Николай после окончания пединститута с молодой женой поехал туда, куда их распределили, – на Дальний Восток. Они не искали вариантов остаться в Москве. Конечная точка переезда – остров Сахалин, г. Красногорск (с 1992 г. – поселок). Полгода жили в переоборудованном туалете школы. Но они не уехали, они учили русских, молдаван, украинцев, корейцев, японцев. За время работы чего они только не пережили: хождение в пургу при 50-градусном морозе в отдаленный поселок, встречи с медведями, ураганы, затопления. Были случаи, когда матери учеников уходили из дома к подругам и в запое забывали про детей.

Дети сидели дома голодные, взаперти. Учителя забрали детей к себе. Были случаи, когда детей находили замерзшими. Сколько человеческих страданий они видели! Во всех случаях они оказывали помощь – едой, одеждой, деньгами. Они честно и добросовестно выполняли свой долг – учительствовать. В девяностые годы, не получая зарплату по году, не прекращали свою работу. По состоянию здоровья и после ухода на пенсию они вернулись в г. Жигулевск.

Благодарные письма, поздравления, посылки с рыбой поступают к ним с Сахалина. Вот таким надо ставить памятники при жизни.

Оглядываясь назад, я думаю, что страна закономерно возродилась из руин после войны на зависть недругам своим. О регалиях и богатстве мы не думали, выполняли добросовестно обязанности гражданина Великой страны. В том, что произошло в девяностые годы, есть и наша вина – позволили авантюристам все разрушить, все осквернить, в том числе и наши идеалы. Одна надежда: как говорят, еще не вечер.

В МВТУ им. Н.Э. Баумана я поступал как льготник (имел 2 года производственного стажа). Мне необходимо было сдать 4 предмета на тройки, чтобы пройти. К тому же за меня ходатайствовала секция бокса. Особенность вечернего образования тех времён была следующая: я и мои сверстники приходили на занятия после физической работы. Большинство из нас засыпало уже на втором уроке. Чтобы получить тройки, достаточно было просто присутствовать на занятиях. Речи о полноценном выполнении школьных заданий не было. Учителя входили в наше положение. Если кто-то из учеников хоть одним глазом успевал прочитать учебник и что-то мог промямлить, ему ставили четвёрку. В общем, в аттестате у меня были четвёрки и пятёрки. Самой комичной была оценка по английскому языку – пятёрка, хотя ни одного слова по-английски я не знал. Английский был последним экзаменом при приеме в училище. Убедившись в том, что я «ни бэ, ни мэ» по-английски, экзаменатор взяла мой аттестат и спросила: «А как вам в школе поставили пять?» Я в ответ что-то промямлил, покраснел. Она посмотрела мои оценки и молча поставила тройку.

Первый семестр пролетел как в тумане. Я был ошарашен, подавлен и мало что сообщал. Надо было успеть записать за лектором, самостоятельно подготовиться к семинарам. Меня спасла природная тяга к точным наукам: без особого труда давались высшая математика, алгебра, геометрия и частично физика. Первые экзамены сдавал в горячке и в основном на тройки. Дальше было легче. За третий год обучения у меня уже были четвёрки-пятёрки.

Нам посчастливилось слушать лекции выдающихся учёных, конструкторов военной и космической техники, генералов. Особое почтение у нас вызывал академик Э.К. Сател, известный тем, что, когда был на военном заводе за границей, запомнил оборудование, технологию, станки и т.д. по изготовлению современных образцов техники и по прибытии в Россию всё описал подробно. С каким почтением мы встречали генерал-полковника В.Г. Грабина! Первая часть его лекций обязательно была посвящена И.В. Сталину, благодаря которому он в одночасье из конструктора стал генеральным директором крупнейшего оборонного завода. А разве можно забыть генерал-майора А.А. Толочкова, маленького, сухого, очень подвижного? Он служил еще в царской армии. С какой радостью он вспоминал, как его конструкция гидравлической тормозной системы крупнокалиберного орудия выдержала все испытания, а конструкция, предложенная В.Г. Грабиным, – нет. Особенно нас тронул тот факт, что на последней лекции перед экзаменами он всем студентам раздал фото с формулами по физике, гидравлике, сопротивлению материалов, чтобы мы смогли воспользоваться ими на экзамене. Они хранятся у меня до сих пор.

Можно ли забыть доктора технических наук, профессора Э.С. Бидермана, который после написания на доске формул по сопромату, улыбаясь, говорил нам сакральную фразу: «А теперь подумайте о брэнности мира сего»? Мы, одурманенные формулами, тупо воспринимали его посыл. А лекции Б.В. Орлова – авторитетнейшего научного деятеля в области внутренней баллистики? Нет, такое не забывается... С особым нетерпением мы ждали лекцию С.Н. Хрущева (сына Н.С. Хрущева). После отставки отца мы думали, что он не придет, т.к. лекция задерживалась. Он пришел... Спокойно прочитал лекцию и попрощался с нами. Больше мы его не видели. Вспоминаются и другие, не менее заслуженные ученые.

Основная заслуга МВТУ им. Н.Э. Баумана – разносторонние знания и основательность преподавания предметов. Поэтому выпускники училища пользовались спросом во всех отраслях промышленности. В этой связи мне вспоминаются два эпизода моей деятельности.

После оборонки меня приняли в научно-технический центр по разработке дисководов для ЭВМ. Стояла проблема: с магнитных ленточных носителей информации перейти на магнитные диски. Мне дали задание: рассчитать перемещение считывающей головки при движении диска. Расстояние между диском и считывающей головкой – микроны, среда – очищенный воздух, скорость вращения диска значительная. Чтобы лучше понять, что это такое, приведу аналогию: разместить считывающую головку в нужном месте диска – это то же самое, что приземлить самолет в переулке плотно застроенного города. Математически движения считывающей головки описывались нелинейными уравнениями четвертой степени с шестью неизвестными. В Японии и США эта задача была решена методом программирования. Я же хотел решить ее математически. Поиск решения настолько меня захватил, что я три месяца не ходил на обед (только пил чай), все время перечитывал справочники по решению нелинейных уравнений, способы решения аналогичных задач. За это время мною было просмотрено около 20 книг, справочников, диссертаций. К академикам я не поехал, т.к. боялся, что они выслушают меня, поймут проблему, а мои наработки присвоят. Мне хотелось эту задачу решить самому. Помогли полученные знания по аэродинамике и высшей математике. Задачу я все-таки решил и вывел уравнения в конечных квадратурах. Принятые мною допущения, конечно, приводили к погрешностям результатов расчета. Руководство отдела не верило, что я найду решение этой задачи. Директор их постоянно теребил. Как только доложил о результатах, сразу же прислали

программистов. Больше радости, чем после того, как я вывел конечную формулу, я никогда не испытывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.